

Митрополит Иларион: Толстой сознательно противопоставил себя Церкви

23 марта 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия-24» ведет митрополит Волоколамский Иларион, стал критик, литературовед Павел Басинский.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». В этом году исполняется 25 лет со дня канонизации святого праведного Иоанна Кронштадтского. Сегодня мы поговорим об Иоанне Кронштадтском и о Льве Толстом. У меня в гостях критик, литературовед Павел Валерьевич Басинский. Здравствуйте, Павел Валерьевич!

П. Басинский: Здравствуйте, владыка!

Чем больше я занимаюсь Толстым (я написал о нем три книги), тем больше вопросов он задает, и тем меньше я нахожу на них ответов, потому что Толстой – фигура сложная и проблематичная. В частности, когда я писал свою первую книгу «Лев Толстой: Бегство из рая», посвященную уходу Толстого, я соприкоснулся с темой конфликта Льва Толстого и святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Перед революцией на рубеже XIX – XX веков Россия словно разделилась на два потока – Кронштадт и Ясную Поляну. К двум учителям с большой буквы – Иоанну Кронштадтскому и Льву Толстому – было настоящее паломничество в России. Тысячи людей приезжали к отцу Иоанну в Кронштадт, в том числе для того, чтобы найти ответ на вопросы: как жить? Как верить? И огромное количество людей шло к Толстому.

Я хотел бы задать Вам вопрос: как могло так случиться, что возник конфликт между двумя выдающимися личностями своего времени, которые были плоть от плоти, кровь от крови сынами России?

Митрополит Иларион: Христос говорил Своим ученикам: «Не мир пришел я принести, но меч» (Мф. 10, 34). Удивительные слова, и, казалось бы, парадоксальные. Христос приносит людям духовный мир, Церковь приносит утешение. И вдруг мы слышим из уст Самого Христа, Самого Основателя Церкви такие, на первый взгляд, странные слова.

Я думаю, что этот меч в какой-то степени разделил все наше дореволюционное российское общество. С одной стороны, в XIX веке у нас была сильная Церковь с мощным опытом святости.

Ведь XIX век – это и Филарет Московский, и Серафим Саровский, и оптинские старцы; это и Иоанн Кронштадтский, приходской священник, который становится всероссийским чудотворцем, - совершенно уникальный святой, каких вообще не было в истории.

Но, с другой стороны, XIX век – время, когда уже ощутимо влияние атеизма, нигилизма, материализма – все это мы находим в творчестве наших писателей, например, у Тургенева в образе Базарова. Происходит расслоение, разделение общества, что в конечном итоге приводит к революции и гражданской войне, когда идеологическое противостояние уже перерастает в настоящее кровопролитие.

П. Басинский: В своей книге «Святой против Льва» я пишу, что гражданская война сначала начинается в головах людей, а потом уже выливается на поля сражений. Когда смотришь на то, что происходило с русским обществом накануне революции, хочется воскликнуть: «Остановитесь! Вы все совершаете ошибку. Вы все толкаете Россию в пропасть». Это, прежде всего, касается интеллигенции, ибо нельзя винить весь народ в том, что произошло до революции. Здесь, скорее, виновата во многом власть и русская интеллигенция, которая, безусловно, способствовала раздуванию конфликта.

В противостоянии Толстого и Иоанна Кронштадтского, на мой взгляд, очень много трагического. Но между ними было и много общего, особенно в нравственном и даже в философском смысле. Когда отец Иоанн в приехал в Сарапул, где выступал перед местными пастырями, он сказал, что главным делом своей жизни считает самопознание. Толстой тоже считал самопознание главным делом своей жизни. У них также совпадали взгляды на искусство, которое должно служить добру, нравственности, а не проводить какие-то эксперименты, не играть в игры. Тем не менее, такой вот конфликт. В этом, безусловно, была трагедия России.

Митрополит Иларион: Среди тех, кто как раз взывал ко всему российскому обществу словами, которые Вы сейчас произнесли: «Остановитесь! Одумайтесь!», был, прежде всего, Иоанн Кронштадтский. Ведь его дневники, проповеди наполнены подобными призывами. Он чувствовал надвигающуюся катастрофу. И в Толстом он видел одного из предвестников этой катастрофы. Вот почему он так жестко с ним боролся, и его риторика в отношении Толстого была столь агрессивной. Читая его дневники, мы видим в них даже ненависть к Толстому. По-человечески нам трудно объяснить, как подобная ненависть может сочетаться со святостью. Но если мы посмотрим, опять же, на образ Спасителя, то увидим, что Христос, который был удивительно милосерден и снисходителен к блудницам, к грешникам, к разбойнику на кресте, к мытарям, вдруг становился жестким и непримиримым в общении с фарисеями.

Когда дело касается религиозности, ее сути, то здесь человек, защищающий Божественную

правду, может оказаться непримиримым. Таким был Иоанн Кронштадтский. Он видел, куда катится страна. Он видел тлетворное влияние идей Толстого на российское общество (особенно на крестьянство), когда, уже в поздний период творчества, после своего так называемого духовного переворота, Толстой начинает публиковать религиозные трактаты, в которых излагает свои идеи, идущие вразрез с православным вероучением.

Толстой покусился на самое святое, что было у нашего народа – на Церковь, с которой он имел право лично не соглашаться. Видимо, он пережил какую-то личную трагедию, связанную с тем, что он отошел от Церкви. Возможно, на уровне личных встреч произошло нечто, что его очень обидело. Историю и причины своего расхождения с Православной Церковью он подробно описывает в своей «Исповеди», в своих дневниках. Но делать все это публичным исповеданием, противопоставить свое евангелие тому Евангелию, которое звучало в Церкви, смеяться над самым дорогим для верующего человека – над Литургией, – было огромной трагической ошибкой Толстого. И, конечно, неслучайно вождь нашего пролетариата назвал Толстого "зеркалом русской революции". Он в каком-то смысле действительно был зеркалом русской революции, ведь все то брожение, которое потом привело к катастрофе, уже происходило в его уме и душе, в его внутренних исканиях.

П. Басинский: Я во многом с Вами согласен и во многом не согласен с Толстым в его высказываниях о Церкви. Скажем, я считаю жестокой и несправедливой его статью «К духовенству», которая больше всего возмутила Иоанна Кронштадтского и он сказал, что Толстой будет гореть в аду, что ему надо повесить мельничный жернов на шею и утопить в пучине морской. Безусловно, Толстой повинен в русской революции, как и вся интеллигенция и просвещенное дворянство того времени, но ведь он пытался остановить революцию, был ее противником, неоднократно писал об этом.

Мне кажется, что в противостоянии Толстого и Иоанна Кронштадтского нужно учитывать, откуда происходили эти люди. Ведь это, по сути, две разные России. Отец Иоанн происходил из среды потомственного священства. Он родился в Суре – маленьком поселке Архангельской губернии, в нищей семье сурского дьячка, но, с другой стороны, у него в роду и по линии матери, и по линии отца на протяжении 150 или 300 лет все были священниками. И Церковь для него была родной матерью. А Толстой был представителем просвещенного дворянства того времени, которое было атеистическим, как и интеллигенция, и относилось к Церкви, к священникам крайне снисходительно.

В этом расколе заключается трагедия России. И, конечно, отца Иоанна очень задевало, что просвещенный барин позволяет о его матери-Церкви говорить такие вещи. Здесь еще был очень сильный личный конфликт. Отсюда такая страсть, как мне кажется.

Митрополит Иларион: Я с Вами полностью согласен. Но ведь Церковь была матерью не только для духовного сословия, но и для всего народа. И то, что Толстой публично покусился на Церковь, распространяя свои убеждения, конечно, было воспринято отрицательно и самой Церковью, которая отреагировала на это так называемой «анафемой». Мы знаем, что никакой анафемы не было. Было «Определение» Святейшего Синода об отпадении Толстого от Церкви, от которой он сам себя отлучил. На это Толстой публично заявил, что да, действительно, он себя отлучил от Церкви, ибо не признает себя человеком Церкви, отрицает необходимость церковных Таинств и так далее.

Это расхождение было публичным, взаимным, и Церковь здесь не провозглашала никакой анафемы. Позже это «отлучение» обросло мифологией. Широко известен, например, рассказ Куприна «Анафема», появившийся в 1913 году, о том, как протодьякон кафедрального собора во время службы получил распоряжение возгласить анафему графу Льву Толстому, но вместо этого пропел тому «многая лета».

По сути, наш великий писатель сознательно себя противопоставил Церкви. Он сделал это публично, и Церковь лишь констатировала этот факт.

Мы не можем оставить без внимания последние дни Толстого. Ведь неслучайно он, будучи уже в преклонном возрасте, перед смертью втайне покинул свое имение и пошел не куда-нибудь, а в Оптину пустынь. Мы знаем, что его сестра была монахиней. И, несмотря на свой конфликт с Церковью, его все равно тянуло к церковным людям, к старцам, и один только Господь знает, что побудило его отправиться в этот последний путь, который, к сожалению, так и не привел его обратно в Церковь, хотя, я думаю, что шанс на возвращение у него был. В своей книге «Лев Толстой: Бегство из рая» Вы пишете, что Иоанн Кронштадтский предсказал, что Бог не допустит Толстого к покаянию.

П. Басинский: Отец Иоанн предсказывал многое и, безусловно, был провидцем.

Толстого всегда тянуло в Оптину пустынь, которую он посещал, будучи еще подростком, юношей. Он побывал в Оптиной пять раз, и, безусловно, этот монастырь занимал особое место в его жизни. В последнюю свою поездку он едет в Оптину пустынь, а затем в Шамордино, в женский монастырь, возле которого хочет остаться. В самой деревне Шамордино он уже нашел домик и намеревался его снять, чтобы жить при монастыре. Его отношение с Шамординским монастырем вообще удивительное, потому что его насельники, включая игуменью, очень любили Льва Николаевича, он был абсолютно своим человеком. Он много раз приезжал туда к сестре.

То, что Толстой перед своей смертью поехал в Оптину пустынь, конечно, неслучайно. Он очень хотел поговорить со старцем Иосифом – учеником преподобного Амвросия, - с которым уже встречался несколько раз и беседовал. В первую свою встречу они очень друг другу понравились, но потом уже, в следующие приезды Толстого, между ними возникли разногласия.

Поездка Толстого в Оптину пустынь – большая загадка. Что он там искал? О чем хотел поговорить со старцем Иосифом? Мы этого не знаем, ведь по роковому стечению обстоятельств эта встреча не состоялась. Не потому, что Толстой был такой гордый и сам не мог постучаться в дверь кельи старца. Старец Иосиф был болен, а Толстой, зная это, как деликатный человек, ждал, пока его позвут. В общем, это был момент какого-то недоразумения. Наверное, неслучайно. Может быть, отец Иоанн Кронштадский в этом смысле был прав.

То, что Толстой не остался в Шамордине (конечно, он не мог остаться в монастыре, но он хотел жить при монастыре), - тоже роковое стечение обстоятельств. Приезжает его младшая дочь Саша и пугает его, что сейчас его здесь настигнет Софья Андреевна, и Толстой срывается с места и бежит, сам не зная куда, но болезнь вынуждает его сойти на станции Астапово.

Митрополит Иларион: Церковь с огромным сочувствием относилась к Толстому и никогда не ставила крест на духовной судьбе писателя. Когда Толстой лежал тяжелобольной на почтовой станции Астапово, из Оптиной пустыни к нему приехал со Святыми Дарами старец Варсонофий. Толстому не сказали о его приезде. Опять же, это можно принять за неудачное стечение обстоятельств, а можно объяснять и тем, что Господь не допустил воссоединения Толстого с Церковью по каким-то причинам, связанным с внутренним миром писателя, который слишком далеко зашел в своем противлении Церкви.

Старец Варсонофий не был допущен к одру умирающего Толстого теми же людьми, которые не допустили к нему его жену – Софью Андреевну. В своей книге Вы обращаете внимание на интересный момент: бегство Толстого из Ясной Поляны было в значительной степени и бегством от жены, и что конфликт с женой, который развивался на протяжении нескольких десятилетий, в конечном итоге привел к уходу Толстого из дома. А вот куда и для чего он ушел, что искал – этого, к сожалению, мы уже никогда не узнаем.

Действительно, пути Толстого и Церкви разошлись; радикально разошлись пути Толстого и Иоанна Кронштадтского. Но Толстой, безусловно, является для нас человеком дорогим и важным, потому что никто никогда не сможет умалить его заслуги как писателя. Его произведения продолжают оставаться той литературой, с которой школьники начинают изучение русского языка и русской литературы.

Иоанна Кронштадтского мы почитаем как одного из величайших святых в нашей истории. Да, он говорил много резкого, но справедливого об ошибках и заблуждениях Толстого.

Благодарю Вас, Павел Валерьевич, что были гостем нашей передачи. Спасибо за замечательные книги, которые Вы пишете, раскрывая сложные взаимоотношения между Толстым и окружавшими его людьми.

Служба коммуникации ОБЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/50549/>